



УДК 1+801

В.А. Москвитин

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМА ИСТИННОСТИ

МОСКВИТИН Василий Александрович – доцент, Санкт-Петербургский академический университет – научно-образовательный центр нанотехнологий РАН; кандидат философских наук.

Россия, 195220, Санкт-Петербург, ул. Хлопина, 8, к. 3

e-mail: vasplusmos@yandex.ru

Языковое общение подразумевает возможность согласия собеседников относительно определенных утверждений, а значит, возможность удостоверения истинности высказываний. Отношение высказывания к выражаемому им положению дел в аспекте его возможной истинности может быть только изобразительным. В строгом смысле слова не может быть никаких независимых стимульных значений, с которыми соотнобразывались бы элементы предложения (изображения). Положения дел и события нашего мира являются коррелятами наших изображений и лишь с их помощью выделяются в мире как смысловые единства. То же касается и элементной соотнесенности отдельных знаков. Стимульно неидентифицируемыми языковые выражения делает не принадлежность их к какому-то определенному языку, а сам изобразительный принцип языка, способ соотнесенности языка с артикулируемыми в нем сегментами опыта. Интерпретация изобразительного отношения не нуждается ни в посредничестве «логической формы», ни в установлении непосредственного структурного подобия между предложениями и описываемыми ими положениями дел.

СТИМУЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ; ИЗОБРАЖЕНИЕ; ИСТИННОСТЬ; СООТВЕТСТВИЕ; ПРЕДЛОЖЕНИЕ; ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ.

Вопрос о возможности истины для феномена языка не является дополнительным, навязанным философией и логикой. Язык как средство общения трудно представить существующим безотносительно возможности удостоверения истинности высказывания. Тот факт, что мы понимаем фантастические рассказы и сказки, вовсе не противоречит необходимости удостоверения истины. Само языковое общение подразумевает возможность удостоверения в том, что его участники мыслят под содержанием тех или иных высказываний одно и то же.

Каким образом речь может быть соотнесена с тем, о чем она, чтобы мы могли бы соглашаться с ней, удостоверяя ее истинность, или опровергать ее, — это существенный вопрос для понимания того, как соотносится высказывание со своим значением вообще. Первый внятный ответ на этот вопрос дает Аристотель в своем знаменитом определении истины как связывания в суждении связанного самого по себе и

разъединения разъединенного самого по себе. Аристотелевским ответом в понимание языка вводится идея параллельного соответствия, в котором части выражения соотнесены с целым таким образом, что в этом соотнесении отражено то, как соединены части положений дел в действительности. Это соответствие здесь будет пониматься как *изобразительное*, поскольку если что-то делает изображение изображением чего-то, то это именно такое соответствие. Если исключить изобразительность из понимания языка, вопрос об истинности речи остается без всякой опоры, поскольку собрать истинное высказывание из выражений или указаний, обеспечив ему референцию к некоторому положению дел, не прибегая при этом явно или неявно к модели изображения, — задача, на наш взгляд, внутренне противоречивая.

Мир представляется в человеческой речи таким образом, что каждое осмысленное предложение является изображением положения

дел, ситуации или события¹. При этом для того, чтобы предложение оказалось изображением положения дел, нет необходимости предполагать, как это делал Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате», некое посредствующее звено, например *логическую форму* [2]. Достаточно, чтобы в качестве изображения оно было узнано и могло бы служить предметом для согласия или несогласия собеседников. При этом, естественно, иным будет и смысл самих «положений дел», и смысл понятия «истинность»; иным будет и соотношение элементов речи и их означаемых.

Соотнесенность единичных знаков и их значений (элементарная соотнесенность) не является первичной, поскольку она опосредована соотнесенностью со значениями знаков комплексных². Внутри комплексных выражений (в данном случае предложений) она формируется тогда, когда одни и те же языковые элементы оказываются частями различных предложений. Они получают при этом смысл, отличный от индивидуальной соотнесенности с каким бы то ни было *стимульным значением* (значением, которое может быть установлено в рамках некоторой практики и непосредственного соотнесения знака с обозначаемым им сегментом опыта [3, с. 50–77]). В положениях дел, которые изображаются при помощи таких содержащих тождественные элементы предложений, вычлениваются подобные друг другу сегменты опыта, будь то

непосредственно определяемые цвета, признаки, предметы, их части или что-то иное, и эти сегменты опыта в силу своей соотнесенности с различными по своему содержанию изображениями получают расширительное толкование.

Так, слово «быстрый», если оно входит в изображение ситуации быстрого принятия решения, будет отличным от стимульно-удостоверенного предиката «быстрый», относящегося к движению, и может появиться в новых изображениях, например как предикат ума. Соответственно понятие «быстрый» как часть изображений, метонимически перемещаясь от контекста к контексту, с одной стороны, обогащается возможными смыслами (при том, что всякий раз оно означает, тем не менее, что-то определенное), а с другой – становится более абстрактным. То же касается, например, другого предиката ума, понятия «слабый», которое так же метонимически от изображения к изображению расширило свое значение и не может удерживаться в рамках стимульного значения ситуативного выражения. Несмотря на то что слово обретает в полном смысле свое значение лишь в предложении, будучи частью множества предложений, относящихся к различным контекстам, оно в качестве изобразительного элемента не безразлично к этому своему «универсальному» определению через контекстуальное множество.

Все сущности, признаки и качества как части положений дел и ситуаций организуются в классы и обретают узнаваемость постольку, поскольку в комплексных изображениях положений дел и ситуаций, в которых они появляются, для них резервируются постоянные именованья. Тождество именованья в различных комплексных выражениях сообщает такое тождество «сущностям», определяющим классы сходных предметов, признаков или свойств, какое было бы немислимым в ситуации размытости соотнесения различными индивидами единичных знаков с их стимульными значениями. Происходит собирание смысла слова как изобразительного элемента, неинтерпретируемого в режиме стимульного соотнесения, поскольку смысл комплексных выражений может касаться не только действительных, но и мыслимых, и воображаемых ситуаций, содержание которых в значительной мере автономизируется по отношению к стимульным значениям.

¹ Семантические нюансы, отличающие событие от ситуации, факта, положения дел и других «непредметных объектов» [См., например: 1, с. 101–188], в контексте данной статьи не важны. Поэтому здесь за неимением термина, их адекватным образом объединяющего, будет использоваться их перечисление, причем будет подразумеваться, что это перечисление охватывает всё, о чем могут быть высказывания.

² В определенном смысле, конечно, можно говорить о первичной смысловой соотнесенности индивидуальных знаков и о значениях, которые неизменно присутствуют в любой культуре, однако здесь речь должна идти скорее об относительном и всегда аспектном единообразии подлежащей изображению и обозначению практики жизни, а не о единообразии «семантических примитивов» [См.: 4, с. 27–41]. Последнее может быть удобно с методологической точки зрения для лингвистики, но малопонятно с точки зрения онтологии, если не прибегать к концепции врожденных идей.



Более того, постоянные именования в изображениях могут получать и те элементы, которые не обладают никаким стимульным значением и не соответствуют никакому непосредственно идентифицируемому сегменту опыта. Многие значения можно считать всецело функциями изображений³. К ним, разумеется, относятся и значения понятий, с помощью которых человек осмысливает свое существование, таких как «судьба», «счастье», «совесть» и т. д., и многие традиционные метафизические сущности, такие как «логос», «гармония», «бытие», «сущность», «дух», «материя», «форма» и пр., которые очевидно являются стимульно неинтерпретируемыми значениями. Изобразительный исток вовсе не унижает природу таких понятий. Речь не идет также и о том, чтобы отказывать им вовсе в феноменальной данности⁴. Просто они находятся по ту сторону стимульного удостоверения (когда два человека непосредственно эмпирическим путем могут прийти к согласию относительно стимульного значения выражения) и по эту сторону свободного изобразительного движения. Без такого движения не могли бы кристаллизироваться и те значения, для которых нетрудно предположить и описать стимульную интерпретацию.

Языковое изображение ситуаций, положений дел и событий является конститутивным для самих этих ситуаций, положений дел и событий, а также для их элементов, в том

³ Э. Кассирер предполагал конститутивной «символическую» функцию, но трактовал ее предельно широко, считая диалектическим моментом конфликта, стоящего в основании становления духовной формы. Тем самым символическое измерение погружается в несвойственную ему диалектику: «Необходимо искоренить последнюю видимость какого-либо опосредованного или непосредственного тождества действительности и символа, напряжение между ними должно быть доведено до последнего предела — и это для того, чтобы именно в этом напряжении можно было увидеть специфическую функцию символического выражения и содержание каждой отдельной символической формы» [5, с. 119].

⁴ Здесь стоит вспомнить примечательную полемику Р. Декарта и Т. Гоббса относительно природы идей Бога, души, субстанции и др., которые Гоббс считал выводимыми из опыта и рассуждения, а Декарт — данными непосредственно [6, с. 140–148].

числе тех, которые могли показаться стимульно достоверными значениями. То есть сегменты опыта, которые мы мыслим как ситуации и пр., сами по себе — по ту сторону возможности их изображения — феноменально даны быть не могут.

Несмотря на то что в обычной практике использования языка мы часто подразумеваем возможность стимульной интерпретации для наших высказываний о мире, с семантической точки зрения мы не можем полагать такую интерпретацию *значением* этих высказываний. В строгом смысле слова не может быть никаких независимых стимульных значений, с которыми могли бы соотносываться элементы изображения. Стимульные значения возникают лишь как части ситуаций, коррелятивных изображениям и вне изображений для языка немислимы.

Если сопоставить это утверждение с известным положением философии науки, согласно которому в основании любого эмпирического опыта и эксперимента лежит теория, наличие которой исключает получение чистых опытных данных, то оно будет означать, что «изобразительная» логика языка всегда является такой теорией, которая делает невозможным сопоставление языковому выражению безразличного к логике языка стимульного значения, как бы широко и контекстуально полно мы его ни мыслили.

Положения дел, ситуации и события нашего мира являются коррелятами наших изображений и лишь с их помощью они выделяются в мире как смысловые единства. Стимульно неидентифицируемыми с точки зрения их значения языковые выражения делает, однако, не принадлежность их к какому-то определенному языку как конкретной теории мира (эта мысль в той или иной форме высказывалась Э. Кассирером, Э. Сепиром, Б. Уорфом, Л. Ельмслевым и др.), а сам *изобразительный принцип* языка, способ соотнесенности языка с артикулируемыми в нем сегментами опыта. Специфика же того или иного естественного языка есть лишь дополнительное свидетельство невозможности стимульной интерпретации.

Модель языка с изобразительной точки зрения неудобна. Непосредственно в предложениях языка невозможно найти никакого соотношения частей, подобного соотношению

частей в изображаемом положении дел⁵. Здесь имеет место существенная асимметрия. Самый поверхностный анализ вынуждает отказаться от всякого требования подобия соотношения частей в законченном языковом выражении и в соответствующем ему целостном положении дел (несмотря на то, что лингвист или логик может обнаруживать следы структурных подобий). Удобство языка состоит не в удобстве непосредственной изобразительности, а лишь в универсальности. Поэтому конвертировать предложения в ситуации и положения дел в нашем воображении — чрезвычайно трудоемкая задача.

Если где-то и стоит предполагать необходимость *интуиции* для усвоения языка, то это не предваряющее представление о его структуре и об основании для выбора адекватной грамматики, как полагал Н. Хомский⁶ [8, с. 28, 34, 37; 9], а врожденное понимание условной изобразительной «логики», позволяющей человеку конвертировать языковые выражения в представления о положениях дел и ситуациях, и обратное кодирование положений и ситуаций, мыслимых нами, в языковые выражения. Речь идет о формальном семантическом принципе соотношения, который здесь именуется изобразительным принципом: мы соотносим не определенный синтаксис с ситуациями и объектами, а синтаксис речи с синтаксисом ситуаций и входящих в них объектов, которые параллельны, но не симметричны. При этом синтаксис ситуаций не является их «собственным» синтаксисом, принадлежащим самим феноменам, самим вещам и т. д., независимо от их символического отображения. В языке задается и то, и другое; язык, по сути, и есть это соотношение синтаксисов.

В упомянутом выше языковом конвертировании мы имеем дело с системной условностью,

⁵ Э. Кассирер трактует изобразительность языка гораздо более широко. Под рубрикой «изобразительности» у него проходят подражание (мимический аспект) и «аналогия формы». Высвобождение из изобразительного плена осуществляется на «символическом» уровне, на котором дух, прорываясь к многозначности знака, совершает «решающий шаг от конкретной функции „означивания“ к общей и общепринятой функции значения» [7, с. 115–126].

⁶ В этой связи примечателен также спор Н. Хомского и У.В.О. Куайна об интуиции [10, 11].

которую невозможно описать через условное подобие отражаемым событиям, каким обладают некоторые повествовательные живописные «тексты», такие как древнеегипетская стенопись или православная житийная икона. Оно отлично и от метафорически-образительного кодирования, которому свойственна большая условность, чем у живописных текстов, например от притч и поэтических иносказаний, а также от технически-символических изображений, таких как военно-картографические изображения событий. В последних двух случаях может не быть подобия элементов (как в живописных текстах), но остается структурное подобие, касающееся соотношения частей внутри целостностей изображения и изображаемого⁷. Конечно, порой такое подобие встречается и в языке, когда мы, например, имеем дело со смысловым порядком в построении фразы, но оно вовсе не необходимо, а поэтому не может служить ключом к решению проблемы.

Языковое изображение ситуаций отличается от упомянутых типов живописного изображения тем, что за правилами своего прочтения оно будет отсылать к системе, предназначенной для изображения событий *любого* типа, а значит, к системе, неадаптированной ни под один сколь бы то ни было широкий контекст. Что это значит для заявленной проблемы? Очевидно, что совсем не подчеркивание заслуг Ф. де Соссюра, представившего язык в качестве системы, и не констатацию универсальности языкового кода, о чем сказано уже не мало. Речь идет о самой общей форме семантической соотношенности системы, не приспособленной ни под один контекст, ни под один класс контекстов. Грамматические правила языка, а точнее *формы его изобразительной условности*, универсальны для любых изображений, касаются ли они целостных событий или их частей, внешних или внутренних феноменов, возвышенных состояний или сухих отчетов. С их помощью изображается и то, что наглядно, и то, что событийно, и то, что дано лишь в рефлексии. Они условны настолько, что всякая контекстная адекватность в них потеряна (если когда-то она была, то язык подходил для

⁷ Здесь приводятся только те типы изображений, которые способны описывать ситуации и положения дел, а не просто изменения каких-либо факторов, как это свойственно графикам, диаграммам или формулам.



выражения какого-то одного класса феноменов лучше, чем для другого), с изобразительной точкой зрения они не удобны ни для одного класса феноменов, ни для одного региона бытия.

Э. Бенвенист проводил разграничительную линию между языком и другими знаковыми системами на основании разделения «семиотического» и «семантического» означивания. Он полагал последнее специфическим свойством языка, первое же свойственно и другим знаковым системам. *Семантическое* означивание связывается им с речью и с построением новых выражений, нуждающихся в *понимании*, в то время как для *семиотического* означивания достаточно *распознавания*, установления ассоциации между означающим и означаемым [12, с. 87–89]. В семантическом означивании, таким образом, выражается творческий аспект языкового общения. Однако живописное повествование также может обладать своей изобразительной грамматикой. В рамках иных, неязыковых, изобразительных систем (например, иконописи или древней фресковой живописи) мы способны создавать новые изобразительные единства, означающие новые события, понимаемые исходя из знания основных элементов и правил их композиции. Можно было бы предположить, что означенные таким образом новые события лишь через язык способны получать свою интерпретацию, однако живопись может осуществлять такое означивание вполне самостоятельно⁸. Так, предложенное Бенвенистом основание для различения знаковых систем не кажется удовлетворительным.

Разница между языком и другими знаковыми системами заключается, пожалуй, в характере изобразительности. Для овладения языком необходимо принять в качестве изобразительной систему, в которой нет ни элементного, ни структурного подобия, в которой условность правил соединения элементов в осмысленные единства (фразы или предложения) непосредственно изобразительно практически не мотиви-

рована, во всяком случае, в обычной языковой практике. Непосредственная же изобразительность, которую К. Бюлер именует еще живописанием, по меткому его выражению, существует в некоторых жанрах скорее вопреки, чем благодаря природе языка [14, с. 185].

Итак, правила построения предложений безотносительны к способам сборки ситуаций, положений дел и событий. Принять эти правила – сложнейшая задача: научиться структурно соотносить в себе не соотнесенное, а именно способы упорядочивания слов в эмоционально аффективные единства (фразы, предложения) со способами упорядоченности не вполне подчас определенных сегментов опыта в ситуации и положения дел, на том лишь основании, что такое сопоставление (которое ребенку только еще предстоит понять и раскрыть) осуществляется в речи и поведении окружающих, – не то же самое, что научиться соотносить единичные знаки с единичными вещами или фактами. Здесь мало привычки и связи по ассоциации. Положение дел, сопоставленное в языке предложению как интонационной акустической целостности, чаще всего как целостное чувственное событие нам не дано. Оно нуждается в вычленении факторов, которые окажутся значимыми, из целостности феномена, где все пребывает слитно и не дифференцировано.

Можно, конечно, предположить, что в основе усвоения языка лежит как раз обозначенная в связи с описанием дрейфа значений в начале статьи индукция, в результате которой из сопоставления различных предложений и обозначаемых ими ситуаций проявляется (вполне в духе Дж.Ст. Милля и Б. Рассела [15, с. 76]) элементная соотнесенность⁹. Однако если даже эта индукция имеет место, чтобы подобная система соотнесения заработала, чтобы мы смогли избирательно соотносить части предложений с объектами, вычленяя сходные элементы разных предложений и обозначаемых ими ситуаций, нам необходимо понимание того, что ситуации не отражаются в предложениях зеркально, что все отношения в предложениях в сопоставлении с отношениями внутри ситуаций существенно смещены, причем правила такого смещения находятся в недоступной для говорящего зоне. Разумеется, такое по-

⁸ Несмотря на то что на иконе, например, всегда есть надпись, гласящая, какие святые и какие события на ней изображены, она рассчитана на творческое понимание человеком, вовсе не знающим грамоты [См.: 13, с. 225]. То есть вполне допустимо говорить о грамматике иконы, по которой строится изображение, например нового житийного цикла.

⁹ Такой способ усвоения языка представлен уже у Бл. Августина [16, 15].

нимание со стороны носителя языка не должно быть эксплицитным, оно просто является, можно сказать, молчаливым принятием принципа, согласно которому связь между обозначаемым и обозначением является изобразительной, поскольку выражена через сопоставление в них их частей, т. е. является связью двух синтаксических единств, при том что не существует никакого отдельного от языка правила, по которому эта связь могла бы стать понятной.

Языковое изображение всегда аспектно, оно не касается полноты содержания изображаемых событий. Тем не менее всегда подразумевается неопределенная глубина проникновения в конкретную определенность содержания. Все, чего не хватает в единичном предложении, которое, не будучи оживлено собственной фантазией слушателя, может конвертироваться в его сознании в предельно бедный в сравнении с исходным (тем, что послужил основой кодирования в сознании говорящего) образ, можно восполнить, если в том возникнет необходимость и простого понимания голого смысла будет недостаточно, новыми изображениями, относящимися к *аспектам* исходного образа. Можно попытаться в рассказе, наконец, исчерпать всю мыслимую глубину образа.

Принять такую изобразительную систему, как язык, можно лишь как прозрачный слой, в котором мотивированность относится лишь к прагматической составляющей (то, зачем или с какой целью, на каком основании, с высоты какого статуса и пр. производится высказывание). Сам же слой выражения не имеет сколь бы то ни было значимой плотности, сразу перенося нас к представлению. Эта «непродуктивность» слоя выражения, о которой говорил Э. Гуссерль [17, с. 268–271], основана как раз на невозможности непосредственного структурного сопоставления положений дел и их языковых изображений. Понять правила построения фразы или предложения как правила такого изображения — значит допустить, что события и положения дел говорят на твоём языке, допустить, что *в себе* они уже изображены так, как могу это сделать я или кто-то другой, кого я могу понять и с кем могу согласиться, удостоверив тем самым правильность его понимания самих положений дел и событий.

Возможность истины, подразумеваемая в высказываниях о действительности, основана именно на этом предположении, т. е. что поло-

жения дел и события, которые мы представляем в комплексных языковых выражениях, заключают в себе возможность их правильного связывания в изобразительные единства и правильного разъединения. Соединяя в предложениях языка, как говорил Аристотель, в действительности соединенное и разъединяя в действительности разъединенное, мы при этом сопоставляем не высказывание и некоторое положение вещей самих по себе или некоторый феномен, как он существует безотносительно к нашему языковому опыту, а *значение изображения*, даваемого нам в высказывании, и *значение* объективного положения вещей; последнее значение и есть *положение дел, ситуация* или *событие* как изобразительно артикулированный в себе сегмент действительности или нашего опыта.

Все это касается не только объективно удостоверяемых положений дел, которые таковы и для меня, и для тех, кто вместе со мной способен их засвидетельствовать, но также и моих отношений к предметам и событиям, моих внутренних состояний. Поэтому мир бесконечным образом актуально изобразительно артикулирован во всех своих аспектах; я могу эти соотношения увидеть и подтвердить или, не разглядев, ошибиться и отвергнуть. Это предположение интенционально принадлежит самому языковому опыту, который, будучи коммуникативным, взаимно удостоверяем. Даже если этот опыт субъективен в рамках аффективных отношений (любви, ненависти, желания, осуждения и т. д.) и моих внутренних состояний (тоски, радости и пр.), то он удостоверяем на уровне доверия, основанного на очевидности для каждого возможной связи таких субъективных отношений (с их предметами и между собой) и состояний. То есть такой опыт удостоверяется как не подлежащий ошибке или путанице. Возможность неудачи в изображении в нормальном языковом общении не подразумевается. Ошибка здесь не является неудачей в изображении, а относится к неправильному видению, неправильному представлению положения вещей, причем вовсе не потому, что неудача в изображении невозможна, а потому, что в нормальной ситуации общения она не учитывается. Ее относят к издержкам процесса коммуникации — плохому знанию языка, невнимательности или злонамеренности собеседника, к пунктуационной путанице или случайной двусмысленности.



СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. М.: Наука, 1988.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Собр. соч. В 2 т. Т. 1. М.: Гносис, 1994.
3. Куайн У.В.О. Слово и объект. М.: Канон+, 2000.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011.
5. Кассирер Э. Философия символических форм. В 3 т. Т. 1. М.; СПб.: Университетская книга, 2002.
6. Декарт Р. Собрание сочинений. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994.
7. Кассирер Э. Философия символических форм. В 3 т. Т. 1. М.; СПб.: Университетская книга, 2002.
8. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
9. Фишджеральд Г. Linguistic Intuitions // British Society for the Philosophy of Science. Oxford, Oxford Univ. Press, 2009.
10. Quine W.V.O. Quine's empirical assumptions // Synthese. Vol. 19. No. 1/2. Dordrecht, Holland, 1969.
11. Idem. Methodological reflections on current linguistic theory // Ibidem. Vol. 21. No. 3/4. Dordrecht, Holland, 1970.
12. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: URSS, 2002.
13. Успенский Б.А. Семиотика иконы // Семиотика искусства. М.: Языки славянской культуры, 2005.
14. Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 2001.
15. Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. Киев; М.: Ника-центр, 2001.
16. Августин Бл. Исповедь. Кн. 1, VIII. М.: Эксмо, 2006.
17. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Дом интеллект. кн., 1999.

V.A. Moskvitin

DESCRIPTIVE NATURE OF THE LANGUAGE AND THE PROBLEM OF TRUTH

MOSKVITIN Vasilij A. — *St. Petersburg Academic University of the Russian Academy of Sciences.*

Ul. Khlopina, 8/3, St. Petersburg, 195220, Russia

e-mail: vasplusmos@yandex.ru

Language communication suggests a possibility to agree on certain statements between interlocutors and so an ability to ascertain verity of the statement. Concerning possible truth value reference of the statement to the expressed situation may only be descriptive (figurative). Stimulus interpretation of language statements and their elements cannot be regarded as satisfactory. Situations and events of our world correlate to our pictures and only owing to the possibility of figuring such pictures these situations stand out the world as meaningful unities. Interpretation of descriptive (figurative) correlation has no need neither in mediation of the “logical form”, nor in any structural similarity between sentences and situations they describe.

THE STIMULUS VALUE; IMAGE; THE TRUTH; COMPLIANCE; STATEMENT; SITUATION.

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znacheniy* [Types of Linguistic Meanings]. Moscow, Nauka Publ., 1988. (In Russ.)
2. Wittgenstein L. Logiko-filosofskiy traktat [Traktatus Logico-Philosophicus]. *Works*. In 2 vol. Of vol. 1. Moscow, Gnosis Publ., 1994. (In Russ.)
3. Quine W.V.O. *Slovo i obyekt* [Word and Object]. Moscow, Kanon+ Publ., 2000. (In Russ.)
4. Wierzbicka A. *Semanticheskiye universalii i bazisnyye kontsepty* [Semantic Universals and Primes]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kultur Publ., 2011. (In Russ.)
5. Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of Symbolic Forms]. In 3 vol. Of vol. 1. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2002. (In Russ.)
6. Descartes R. *Works*. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1994. (In Russ.)

7. Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of Symbolic Forms]. In 3 vol. Of vol. 1. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2002. (In Russ.)
8. Chomsky N. *Aspekty teorii sintaksisa* [Aspects of the Theory of Syntax]. Moscow, Moskovsky Univ. Publ., 1972. (In Russ.)
9. Fitzgerald G. Linguistic Intuitions. *British Society for the Philosophy of Science*. Oxford Univ. Press, 2009.
10. Quine W.V.O. Quine's empirical assumptions. *Synthese*. Vol. 19, no. 1/2. Dordrecht, Holland, 1969.
11. Quine W.V.O. Methodological reflections on current linguistic theory. *Synthese*. Vol. 21, no. 3/4. Dordrecht, Holland, 1970.
12. Benveniste E. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Moscow, URSS Publ., 2002. (In Russ.)
13. Uspenskiy B.A. Semiotika ikony [Semiotics of Icon]. *Semiotika iskusstva* [Semiotics of Art]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2005. (In Russ.)
14. Buhler K. *Teoriya yazyka* [Language Theory]. Moscow, Progress Publ., 2001. (In Russ.)
15. Russell B. *Chelovecheskoye poznanie. Yego sfera i granitsy* [Human Knowledge: It's Scope and Limits]. Kiev, Moscow, Nika-Centr Publ., 2001. (In Russ.)
16. Augustin St. *Ispoved'* [Confessiones]. Book 1, VIII. Moscow, Eksmo Publ., 2006. (In Russ.)
17. Husserl E. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy]. Moscow, Dom intellectual'noy knigi Publ., 1999. (In Russ.)